

Текст · 10 июня 2022, 07:54

Петр Рузавин,

«Батя, что же ты такое сделал, что тебя сегодня завалят?». Как выживают херсонские селяне — под оккупацией, в плену и после бегства в Кривой Рог

Подконтрольные Москве власти Херсонской области постоянно говорят то о присоединении к России, то о вводе в обращение рубля, то о раздаче местным жителям российских паспортов. В начале июня в Херсонскую область приезжал замглавы администрации президента России Сергей Кириенко — он теперь курирует вопросы оккупированных украинских областей. После этого в Москве снова заговорили, что Херсонскую область будут аннексировать «по крымскому сценарию», после проведения там референдума о вхождении в состав России.

Еще в марте и апреле жители Херсона регулярно выходили на митинги за Украину. Российские силовики поначалу почти им не препятствовали, но со временем давление все нарастало, протесты разгоняли, активных граждан похищали и держали в «секретных тюрьмах». В конце мая украинский губернатор Херсонской области, который находится сейчас в Николаеве, говорил, что из области уехала половина населения.

Херсонская область — преимущественно аграрная, в Херсоне до войны жили только 300 тысяч

из миллиона населения региона, остальные — в небольших городах и селах. О том, что происходит в оккупированных селах, известно гораздо меньше — только от уехавших, а таких становится все меньше. В мае российская армия почти не выпускала людей из области, а в конце месяца поставленные Москвой местные власти ввели и формальный запрет на выезд.

Многие беженцы осели в Кривом Роге, городе в соседней Днепропетровской области, в 150 километрах от Херсона. Там же сейчас находятся и представители администраций некоторых херсонских громад^[1]. По их рассказам можно судить о том, что пережили в селах, захваченных солдатами из России и самопровозглашенной ДНР.

Высокополье. «Мы, мать, пришли мстить. Так ты глава?»

Анна Антониновна Шостак-Кучмяк. Фото: Анна Цыгима

«Вы спрашиваете, как началась война? Она для нас началась с того, что наша местная полиция была эвакуирована, — вспоминает глава Высокопольской громады Анна Антониновна Шостак-Кучмяк. — 24-го

числа их уже не было. И мне, как главе, надо было обеспечить порядок. Я собрала людей и сказала, что нужно организовать охрану правопорядка. Чтобы не было мародерств. Мы организовали патрули, при этом ни у кого оружия не было».

Шостак-Кучмяк выглядит как школьная учительница. Ей 58 лет, 20 из них она проработала депутатом местной рады, а пару лет назад стала главой всей громады. Высокопольская громада — это 20 сел и два поселка на севере Херсонской области, в полусотне километров от Кривого Рога, до войны там жили около 9 тысяч человек. Сейчас большая часть громады, 14 сел, находится под российской оккупацией, за них идут бои.

В нулевые Шостак-Кучмяк организовала первый в Высокополье детский дом, у нее самой семеро детей, которых она взяла под опеку. Она вспоминает, что 24 февраля застало ее в Киеве, куда она приехала с мужем на обследование в институт рака — у него онкология. На следующий день она вернулась домой: «Все принимали решение об отъезде по-разному. У меня не было даже права об этом подумать, я же сельская глава».

Высокополье оккупировали 13 марта. «К нам зашли дээнэровцы, это были не профессиональные военные, выглядели они убого, легонько», — вспоминает Шостак-Кучмяк. По ее словам, на ком-то были кроссовки вместо берцев, у всех бронежилеты, а вот касок не было, только балаклавы и кепки.

На работу глава громады всегда ездила на велосипеде. Она жила в селе Князевка, оттуда до здания

администрации в Высокополье три километра пути. Подъехав 13 марта, она увидела «Тигр» у входа, за пулеметом сидел военный.

«Антониновна, у нас гости», — сказал сторож.

«Они стали смотреть мои документы, кто я, что я, — вспоминает Шостак-Кучмяк. — Паспорт мой украинский. Один из них — Николай его звали — говорит: "О, а у меня точно такой же паспорт, я точно такой же украинец. Мы все с Донбасса. И мы, мать, пришли мстить. Так ты глава, мать? Так ты, значит, поможешь нам искать ваших атошников". А у меня сын был в АТО^[2]. Два года как уволился из армии, начал жить на гражданке, завел семью. А только началась война, он снова на фронт пошел».

Тогда, рассказывает глава, она «отговорилась как-то»: «Говорю, хлопцы, у нас нет атошников, они все уехали кто куда, за границу, в другие регионы. И вообще, я глава-то недавно, еще и не знаю толком тут людей».

Шостак-Кучмяк добавляет, что среди тех, кто стоял в их селах, были не только люди с Донбасса, но и россияне: «Прежде всего те, кто был на военной технике, это уже были не дээнэровцы, а из России».

Среди военных главным, по ее словам, был мужчина с позывным Броня. Он представился Анатолием, но Шостак-Кучмяк не верит, что это настоящее имя: «Говорил, что родился в Харькове, жил в Донецкой области. Говорил, что в 2015–2016 году погибла его семья там. При каких обстоятельствах, я не знаю. Молодой парень, примерно 30 лет. Сутулый, худой. Он

отличался от них, носил бандану. Я к нему ходила, говорила, что люди жалуются, что к ним ночами врываются, приставляют оружие, что их чуть не перестреляли, что военные пьянствуют».

Местные жители, вспоминает сельская глава, начали обращаться к ней с первых дней: по ночам в дома врывались солдаты и ставили на колени тех, кто там находился, некоторые люди потом пропадали. Военные много пили и грабили.

По словам Шостак-Кучмяк, российские военные обстреливали уже оккупированные села: «Они могли быть в селе, ходить по нему, а потом раз — выехали, и через полчаса в селе падает мина. Они так делали, чтобы людей в страхе держать».

Сходка. «Стоят мордовороты в балаклавах — и у всех чупа-чупсы во рту»

17 марта Броня созвал «сходку» местных жителей перед зданием администрации в Высокополье, рассказывает Шостак-Кучмяк. Она увидела толпу, когда приехала на работу. С одной стороны собрались около 70 местных, с другой были окружившие Броню военные: «Стоят военные в балаклавах, мордовороты, все в амунии, под два метра ростом — и у всех чупа-чупсы во рту. Курить у них не было, вот и стояли все с чупа-чупсами. А перед ними — Броня, уставший, замученный, видимо, от боев. Говорит, не будем вас обижать, будем налаживать сельское хозяйство, устраивайте субботники, мы вам поможем».

Военный, по ее словам, обещал бороться с пьянством подчиненных и не давать им обижать гражданских. «Они даже демонстративно привезли своего солдата,

которого поймали пьяным, и прямо на площади его избили, — вспоминает Шостак-Кучмяк. — При этом мы потом, когда говорили с людьми, где были наибольшие грабежи, там был он, этот командир. Где что-то случалось, там был он. Он себя преподносил таким добродетелем, но это не совпадало с реальностью».

Во всех селах грабили, говорит она: «Где не могли выбить ногами двери, подгоняли БМП, привязывали и вырывали двери машинами. Они грабили гимназию, мы их там видели: буряты из гимназии носят и носят компьютеры и прочую технику. Тянули все: холодильники, микроволновки».

К 17 марта в громаде уже пропали несколько человек. На сходку пришли и мать, искавшая сына, и супруга, искавшая мужа, рассказывает сельская глава. Спрашивали у Брони, где родные. Тот отвечал: найдем, не переживайте.

«И он так сказал это, — вспоминает Шостак-Кучмяк, — что я по глазам увидела, что в живых их уже нет никого».

Погреб в Нововознесенском. «Привозили людей с мешками на головах»

При въезде в Высокополье стоит блокпост, возле него — старенький домик, рассказывает глава громады: «Мне дошла информация, что в этом доме в погребе они складывают трупы мирных людей».

Шостак-Кучмяк утверждает, что говорила со свидетелями, видевшими в погребе эти тела. По ее словам, до сих пор не могут найти как минимум

и жителей громады, неизвестно, живы они или нет: «Видим по соцсетям, что они не активны, и родственники выходят на меня. Мы этот список сформировали, пытались как-то его на обмен отдать. Я уже когда в Кривом Роге оказалась, узнала, что везде пропали люди: в Ивановке, в Нововознесенском, в Николаевке. И мы когда начали всех подсчитывать, я поняла, что они все могут быть в этом подвале».

Военные похитили и волонтеров из Кривого Рога, приехавших эвакуировать детей, рассказывает она: «Я пришла к военным, говорю, так и так, пропали волонтеры, это же мирные люди. Приехали с хорошей миссией, вывезти детей из пекла. А они говорят, а их тут нет, их отправили в Каховку. А потом выяснилось, что их три недели держали в яме в Высокополье. Издевались над ними эти дээнэровцы. Эта яма-тюрьма была недалеко от того дома, в погребе которого они складывали тела». Волонтеров^[3] через три недели все же отпустили.

По словам Анны Шостак-Кучмяк, жители рассказывали ей и о подвале в одном из сел, где захватчики обустроили «пыточную» тюрьму. «В Нововознесенском селе есть школа, — объясняет она. — И там здоровое подвальное помещение. И пропавших — с Ивановки, с Вознесенского, с Потемкина, с Высокополья — свозили туда и там их пытали. Местные жители рассказывали, что туда привозили людей с мешками на головах, и не только мужчин, но и женщин. И видели, как их оттуда выносили».

Об этой тюрьме *Times* рассказывал Григорий Осьмаков, которого российские военные привезли как раз в школу в Нововознесенском. Он рассказывал о пытках, которым в этом же подвале подвергались пленные украинские военные: их топили в тазу с водой, избивали, пытались отрезать пальцы. Потом пленных, по словам Осьмакова, расстреляли.

Один из жителей^[4] села сказал «Медиазоне», что школа до сих пор используется как тюрьма. В селе, по его словам, осталось только несколько десятков жителей, а в покинутых домах расквартированы российские военные.

Весь март Шостак-Кучмяк развозила местным жителям продукты и каждый день на велосипеде ездила из Князевки в Высокополье на работу. 30 марта в Князевку зашли украинские военные. «Еду я себе, как обычно, с работы вечером на велосипеде и понимаю, что дикая тишина, — вспоминает она. — Обычно я, когда возвращалась домой, там орки, на БМП или танке, иногда они перестрелки устраивали просто так. А тут иду — и тишина. Они обычно стояли на выезде, а тут не вижу никого. Села обедать дома, ко мне ребенок подходит и говорит: "Наши". А у нас из дома видно дорогу на Высокополье. И там, смотрю, действительно, наши».

«Никогда такого счастья не было, — продолжает глава громады. — А они кричат: прячьтесь, сейчас будут прилеты. И тут начались прилеты. Мы в подвал. Был Армагеддон, тряслось все. Ощущение, что мы проваливаемся. А потом мы стали вывозить людей».

С Шостак-Кучмяк связался мэр Кривого Рога Александр Вилкул. Он тогда в каком-то смысле взял под опеку некоторые северные администрации Херсонской области, уговорил глав громад переехать в Кривой Рог и помогал в организации вывоза людей в Днепропетровскую область и завоза гуманитарной помощи в Херсонскую.

«31 марта, говорит, выходите с села, вы ничего сделать для людей не сможете, если будете продолжать жить там, выезжайте, — вспоминает Шостак-Кучмяк. — У кого есть машины, организовали колонну, у кого нет — военные сажали с собой. Мы, пока ехали, видели: вся земля с Высокополья до Князевки усыпана трупами рашистов. Они их просто не забирают».

В течение апреля украинские власти вывозили людей из Херсонской области, несколько раз удавалось договориться с российскими военными о зеленых коридорах для эвакуации жителей. 21 апреля, после нескольких попыток, договоренности все же были достигнуты, и колонна выехала из Кривого Рога, рассказывает Шостак-Кучмяк и прерывается: «Но пусть вам об этом лучше Марчук расскажет, которого взяли в плен».

Кавун. «У нас было десять автобусов, шесть скорых»

Владимир Марчук. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

— Вы украинский язык понимаете? — спрашивает Владимир Марчук, крупный и добродушный херсонский мужик.

— Конечно, говорите, как вам удобно.

— Я тогда по-херсонски буду говорить, это суржик-^[5]. Тут в Кривом Роге из меня сделали какого-то героя, а это неправда. Я не сделал ничего такого сверхъестественного, чтобы было такое внимание к моей персоне. Сейчас есть тысячи ребят по 20 лет, которые там на передовой гибнут. Гибнут за свободу и независимость. И вот значение независимости я понял, когда был в плену.

Марчуку 46 лет, в девяностых он жил в Севастополе и служил в «Беркуте», но к десятым уволился и переехал в Херсонскую область. После 2014 года с бывшими коллегами он не общается. Нововоронцовскую громаду Марчук возглавил пять лет назад. В громаде, которая соседствует с Высокопольской и тоже находится на границе с

Днепропетровской областью, до войны жили чуть больше 6 тысяч человек.

«Первых оккупантов я увидел в начале марта, — рассказывает Марчук. — Стоял в больнице, мне позвонили, что по селу ездят два бэтэра. Я вышел на дорогу, перегородил ее. Они остановились, наставили на меня автомат. Я им говорю: "Я вас прошу, не мародерствуйте, тут одни гражданские". Ко мне вышел мужик, сказал, что он офицер, и добавил, что в наши села они не будут заходить».

Фото: Eugene Panasenko / Google maps

В том районе возле села Осокоровка стоит памятник арбузу. Двухметровый монумент на трассе поставили еще в конце 1980-х по заказу колхоза «Украина». На местных сайтах гордятся тем, что это самый большой памятник арбузу в стране. Недалеко от него — бетонная автобусная остановка. Сейчас «на "Кавуне-^[6]» стоит основной блокпост российских военных

в этом районе, через него осуществляется въезд на оккупированную территорию.

Марчук говорит: «Я начал возить еду в оккупированные села. Впервые когда поехали, нас остановили на "Кавуне". Договорились, что я останусь на блокпосту как заложник, а водитель поедет дальше развозить гуманитарку». По словам Марчука, на блокпосту стояли россияне, но не русские: «Один мне сказал, что он крымский татарин, но я думаю, он наврал».

«На "Кавуне"» его задержали и в следующий раз, когда Марчук поехал раздавать питьевую воду и хлеб. Уже на обратном пути его высадили из машины: «Держали с завязанными глазами два часа, кинули в КамАЗ. Потом просто развязали глаза и выпустили, особо ничего не спрашивали».

В конце марта глава громады вывез в Кривой Рог свою семью. Весь апрель он продолжал возить продукты по селам и вывозить из них людей. Но выехать из захваченных сел становилось все сложнее и сложнее.

«Мы вывозили людей в основном с подконтрольной территории, — объясняет Марчук. — Шли переговоры по вывозу людей с оккупированных. На уровне Киева договаривались о зеленом коридоре. Несколько раз в последний момент срывалось. Мы уже слышали, что происходило в Архангельском^[7]. И хотели забрать людей. В конце концов нам сказали, что договоренности достигнуты, можем ехать. Со мной в колонне была глава Высокопольской громады Анна

Антониновна, боевая женщина. У нас было десять автобусов, шесть скорых».

Маршрут^[8], по его словам, был согласован с российскими военными, но колонну остановили в самом начале: «В ста метрах от "Кавуна" они поставили противотанковые ежи, мы вышли, пошли до них. Нам сказали остановиться в 50 метрах. Мы говорим, что мы гуманитарная колонна, у нас были на машинах белые флаги. Говорим, есть договоренность между Киевом и вашим руководством. Они отвечают, что ничего про это не знают, что мы должны разворачиваться и уезжать».

В тот день православные отмечали Пасху. Марчук вспоминает: «Антониновна им кричит: "Хлопцы, мы же мирная колонна, Пасха же". Я ей говорю: "Да что ты им про Пасху говоришь, буряты же стоят, они Пасху не празднуют"».

В тот момент, рассказывает Марчук, в районе Осокоровки начались обстрелы: «Солдаты с блокпоста бегут ко мне с автоматами, кричат: "Вы арестованы". Надели на меня повязку и повели на остановку — возле "Кавуна" она стоит такая, там, полуразрушенная».

Он говорит, что слышал оттуда автоматные очереди — это военные стреляли в воздух, чтобы колонна уезжала.

«Так начался мой плен», — подытоживает Марчук.

Плен. Рассказ Марчука. «Стянуто все, сосуды пережаты, галлюцинации уже начались»

«Часа полтора сидели на остановке. Потом меня повели в блиндаж в Осокоровке. Там кто-то, видимо дээнэровец, мне сказал: "А, так это ты, разведчик, сволочь. Так это из-за тебя пацаны погибли". А я, когда проезжал Трудолюбовку, видел их позиции. Через пару дней Трудолюбовку освободили. Ну, они подумали, видимо, что я о них рассказал ЗСУ^[9].

Сначала связали руки и тряпкой глаза. Автомат приставили. Этот дээнэровец говорит: "Я тебя сейчас пристрелю, буду пытаться лично". Начал всякие глупости делать».

— А что делал? — прерываю его рассказ.

— Ну что я, плакаться вам буду? Перестань. Ну я же целый, живой. Давайте не будем. Я не хочу это вспоминать, — отвечает Марчук и продолжает:

«Потом они меня кинули в БТР — ну, я так думаю, наверное в БТР. На блокпосту я был недолго, полчаса-час. Рядом охранник сопел. Ему сказали: дернется — застрели его. Потом меня вывели, и какой-то молодой человек, я по голосу слышу, что молодой, спрашивает: "Батя, что же ты такое сделал, что тебя сегодня завалят?".

Там мне завязали уже хорошим скотчем руки, крепко, как положено. Скотчем поверх тряпки голову перемотали, сильно, аж дышать почти нечем было. Перемотали вместе с носом. Потом кинули куда-то и снова повезли. Минут 30 ехали, время потерялось. Выгрузили в каком-то селе — это я понял, потому что собаки гавкали, куры кудахтали, в какой-то погреб

завели. И посадили в какую-то железную емкость, бочку типа. Посадили на табуретку, почувствовал, что стенка железная. Зашли двое, один из них приказал развязать мне руки. И добавил: "Дернется — всади ему нож в голову". Так начался мой допрос».

— А что спрашивали?

— Кто я такой, как я тут оказался, потом по колонне спрашивали, почему мужики были в колонне. Поговору — ну точно не такой, какой у нас акцент. Один был грубый. Но давайте я допрос упущу, иначе меня начнет трясти, мне тяжело.

«Потом меня кинули в сарай. Сутки я был в сарае. Кормить предлагали, но я отказывался. Для меня это такой шок был. Глаза запретили развязывать, сказали, расстреляем. В сарае я на ощупь почувствовал коврик на земле. Пощупал, что лежка там была, видимо, кого-то там еще до меня держали, вытоптано. В туалет один раз попросился, у меня там часовой стоял, как в кино, меня вывели. Холодно писец было, ужасно. Я же поехал в курточке-ветровке обыкновенной и футболке. Ветер еще тогда был ужасный.

Утром — я понял, что утро, потому что услышал, что люди начали вставать, у них там, видимо, какой-то штаб, слышал генератор, заправляли его топливом — ко мне зашли, спросили, буду ли я есть. Я отказался. Потому что я странно себя чувствовал после того, как мне дали пить. Я не буду врать, я не знаю, но врач мне потом сказал, что на меня было сильное психотропное воздействие. Но утверждать я не буду, хоть они и враги, но нужно все по-честному. После

этого долго ничего не происходило. Я все время молился. Я всегда был верующий человек. А там мы говорили с Богом.

Зашли двое, были грубыми, говорят: дернется — застрелим, зарежем. Мы тебе сейчас снимем повязку, повернешь голову — нож в нее всадим. А голова болела ужасно, потому что стянуто все было, у меня галлюцинации уже начались, терял сознание, сосуды пережаты все.

Они сняли повязку, спрашивают: кто ты? Говорю: глава громады. "А! Так это ты этих пидарасов организовываешь?". А я не знаю, каких пидарасов, я же не могу спросить, как-то они не очень ласковые, скажем так. "А как сюда попал?". Да с колонной гуманитарной, меня оттуда выкрали. "А, ну ты и приехал". У них, видимо, задача была сфотографировать меня. Один из них быстро сфотографировал и снова затянул голову, ужасно больно. Я снова лег.

У меня начались галлюцинации. У меня слезы начали течь, я себя не контролировал. Я не знаю, почему так началось. Я и выл, и плакал. Потому что я слабый? Мне начало казаться, что я в квартире уже, дома, кошка подходит. Началось что-то делаться в мозгу не то.

Потом заходит мужчина, спрашивает, как пленника звать. Говорю: "Володя". Я плохо помню уже, что он говорил, но типа: "Володя, сегодня вечером вы будете дома" — эти слова я запомнил. Спрашиваю: "А что я должен для этого делать? Я должен работать на вас?". "Нет, ничего нам не надо, просто чтобы вы знали, что мы добрые, что мы хорошие". Я говорю: "Такого не

бывает. Вы хотите меня расстрелять?". "Да что вы, мы таким не занимаемся".

Я вот никогда не был правым по политическим взглядам. Но мне в тот момент так захотелось увидеть небо — вот это синее украинское небо. Вот как у человека бывает жажда, и он хочет воды, вот так я захотел увидеть небо. Я ему говорю:

— Вот последнее желание же положено? Вы когда будете стрелять, я не буду дергаться, я просто хочу увидеть небо.

— Да никто вас не будет убивать.

— Да так не бывает. А как вы меня будете передавать?

— Да мы тебя до "Кавуна" вывезем.

Потом еще ко мне приходили двое, говорили, что я вечером буду дома. Но со мной уже истерика была, я не знаю, что со мной было. Может, потому что сутки была завязана башка, она раскалывалась. Говорю как есть.

Они меня вывели. Посадили в машину. Спрашиваю: почему вы меня освобождаете? Он говорит: ну, жест доброй воли. Отвечаю, что это неправда. Он говорит, что указ вышестоящего руководства. Отношение сразу поменялось, меня уже никто там не бил, не шлепал. В машине уже сняли повязку, стало легче. Я, правда, все равно в машине отключался, терялся, может, стресс. Офицер, который меня вез, дээнэрщик, я бы даже сказал, если бы он не был врагом, что он такой статный, красивый.

Он кому-то позвонил, говорит, нужна машина, кого-то по очереди поставь, одно место чтобы было свободное, надо вывезти человека. И я видел, когда уже я ехал с развязанными глазами, мы возле Михайловки встали, подъезжает "жигуль" красного цвета. Сзади сидят трое детей, женщина, впереди водитель, а рядом второе переднее место свободно. Наша "нива" поехала вперед, а "жигули" за нами. И мы такой колонной доехали до этого "Кавуна", мать его за ногу.

Там меня вывели, сфотографировали в поле и посадили в "жигули". У них, как я понял, были списки людей, которые просились выехать на украинскую территорию. Так они не выпускали, но вот в этом списке одного вытянули, чтобы меня доставить. Потом водитель, отец семейства, благодарил, говорил, если бы не я, семью бы он не смог вывезти.

У них на блокпосту между тем офицером дээнэровским, что меня вез, и теми россиянами, кто там стоял, произошла какая-то перепалка. Я водителю в "жигулях" говорю: если что — газуй, я назад не вернусь, я застрелюсь, но в плен снова не попаду, это страшное дело. Но они как-то разрулили, офицер, который меня вел, подошел ко мне, говорит: "Владимир Владимирович, я прошу прощения за жестокое обращение с вами от лица всех русских солдат и офицеров и от всей русской армии, за то, что мы с вами так жестко обращались"».

— И что вы ответили?

— Да ничего, я вот и сейчас, когда рассказываю, растерянный, а тогда и подавно.

Вспоминая плен через месяц после освобождения, Марчук достает внушительную сумочку с россыпью таблеток, которые ему прописал психиатр. Сейчас он проходит реабилитацию. «В понедельник ложусь в больницу. Выяснилось на одном из обследований, что у меня предынфарктное состояние», — говорит он с грустной, как будто извиняющейся улыбкой.

Кривой Рог. «Вынуждены добираться через леса, на велосипедах, стариков вывозили на тачках»

И Владимир Марчук из Нововоронцовской громады, и Анна Шостак-Кучмяк из Высопольской все время благодарят мэра Кривого Рога Александра Вилкула. У того в Украине был всегда образ «пророссийского политика»: Вилкул был губернатором Днепропетровской области, вице-премьером в правительстве Виктора Януковича, состоял сначала в его Партии регионов, а после победы Майдана — в появившемся на ее месте «Оппозиционном блоке». Его отец Юрий Вилкул тоже важная политическая фигура, он и сам долго возглавлял Кривой Рог.

Александр Вилкул. Фото: официальная страница в Facebook

Президент Украины Владимир Зеленский родом из Кривого Рога^[10], и перед войной у него было некоторое противостояние с Вилкулом. Но сразу после начала вторжения Зеленский назначил его главой военной администрации. Вилкул рассказывал, что в начале вторжения ему лично звонил бывший глава МВД Украины Виталий Захарченко, сбежавший в Россию в 2014 году, и предлагал сдать город. На что был послан «очень длинным нецензурным выражением».

С начала войны, помимо линии обороны^[11], криворожские власти наладили работу с беженцами. Заммэра Сергей Милютин говорит, что из чуть более чем 600-тысячного города подальше от фронта уехали почти 200 тысяч жителей, но на их место приехали беженцы из охваченных войной регионов, около 60 тысяч человек.

По словам Милютина, в марте в Кривой Рог приезжали преимущественно с Донбасса (около 20 тысяч), а в апреле начался массовый поток из Херсонской области (около 40 тысяч). Милютин так систематизировал различия между переселенцами с востока и с юга:

«Первое. Те, которые ехали с востока, в основном ехали полными семьями: мама, папа, дети. С Херсонской области выезжают только женщины, дети до 12 лет и старики. То есть русские не выпускают мужчин и парней вообще. Это первое отличие.

Второе. Те, кто ехали с востока, они были с вещами, они на машине или на поезде выезжали. Учитывая, что русские с первых дней практически никого не выпускали с юга, те реально были вынуждены добираться через леса, реки, на велосипедах, стариков вывозили на тачках. У них зачастую ничего с собой нет, даже документов.

Третье. Те, кто с востока, они имеют профессии, которые востребованы в Кривом Роге, потому что работали на предприятиях, заводах. Те, кто из

Херсонской области, они аграрии, сельские жители. Здесь им труднее найти себе применение.

И четвертое, самая большая проблема — это психологическая. Люди, которые жили в промышленных городах на востоке, для них мобильность — это понятная история. То есть они могут выехать, там, раз в год, например на отпуск или на выходные за город и так далее. Для людей же из сел выехать раз в три года в райцентр — это целое событие. Это капец, им очень тяжело. Я когда езжу по шелтерам, где они живут, они все вместе сидят просто в комнате, никто даже в коридор не выходит. Мы им специально проводим экскурсии по городу, стараемся их как-то занять, вовлечь, вывести. У них зачастую нет денег, и даже не потому, что они бедные, а потому что они ими и не пользовались: натуральное хозяйство, зерно конвертировали в кур и свиней и так далее».

Заммэра добавляет, что в последнее время беженцы из Херсонской области обращаются с просьбами выделить огороды, чтобы они просто занимались чем-то понятным. «Возим их по садам школьным^[12], — рассказывает он. — Ну, и им в кайф. Это же сельское хозяйство».

Он приводит типичный диалог:

— Так, хозяин, что у вас тут делается? Ага, ничего, значит, не делали никогда. А сколько вы яблоч собираете тут?

— Так это школьный сад.

— Ну а кто продает?

Милютин смеется, что никогда и не задумывался, куда эти яблоки из школьных садов деваются: «Рядом директор школы стоит, они ему говорят: хорошо, будем работать. Ну, и они довольные, и мы довольные».

Народный дом. Фото: Петр Рузавин / Медиазона

Главное место, где встречают беженцев в Кривом Роге — Народный дом, большое серое здание ДК. Внутри столы, за которыми сидят те, кто распределяет беженцев дальше — в переоборудованные под шелтеры школы. Сюда же люди приходят в поисках работы, здесь есть психологическая помощь и детская комната. В огромном зале ряды вешалок с пожертвованной одеждой, между ними ходят люди, выбирая кофты и рубашки по размеру. Волонтер рассказывает, что в апреле к ним за помощью каждый день приходило больше тысячи человек, в мае же поток упал примерно в два раза.

Одно из мест, куда распределяют переселенцев — лицей. На входе стоит Анна Латышина, она смогла вывезти из Херсонской области свою многочисленную семью — 12 человек: родители, дети, внучка, невестка. Они выехали почти сразу после начала вторжения.

«Я укладчик тротуарной плитки, я прораб на стройке», — говорит Анна. В Новой Каховке у нее была своя бригада. Город захватили в самом начале войны.

В ее речи чувствуются командные нотки, в этом лице Анна своего рода комендант: «Я все это время держалась. Пока мой знакомый не снял на видео Каховку. Я хоть сама из Гавриловки, но в Каховке родила ребенка и 14 лет прожила, я ее строила. И когда ты видишь эти красные флаги^[13], на русском появляются надписи — это тяжело. Ты понимаешь, что ты вернешься в Каховку, но все равно тяжело это видеть. Мы тут хоть и спим в кроватях, но это все же общежитие. Ты тут существуешь, а не живешь. У тебя нет планов на будущее, завтра как будто не наступит. Я с начала вторжения не проронила ни одной слезинки, а теперь вот три дня не выхожу из комнаты».

Анна вспоминает, что уже через несколько часов после вторжения у них в Новой Каховке на здании ГЭС подняли российский флаг. Она сказала родственникам, что нужно уезжать, на сборы у них есть буквально несколько часов. Семья успела выехать до того, как в город зашли российские войска и перекрыли выезд.

«А сейчас вот вышло^[14] впервые за долгое время видео о жизни в Каховке. Солдаты ходят по городу русские, машины русские, все русское». Анна говорит, что не думать об этом помогает рутина переселенца.

Сейчас в одном лице с ней живут 68 детей, бежавших в Кривой Рог вместе с родителями.

«У меня когда спрашивают, сколько у меня детей, я говорю: 68, — объясняет Анна. — 68, и все мои. Даже и не знаю, что я буду делать без них, когда придется возвращаться».

Она не сомневается, что еще вернется домой, в Херсонскую область Украины.

Редактор: Егор Сковорода

1. Громада, или в переводе на русский «община» — административная единица в Украине, которая объединяет в себе села и поселки городского типа.

2. То есть был участником атитеррористической операции — так в Украине официально обозначалась борьба с вооруженными сепаратистами в Донецкой и Луганской областях.

3. «Медиазона» связалась с этими волонтерами, они подтвердили, что были похищены и провели в плену три недели, но подробности о заключении рассказывать пока не готовы.

4. Попросил не указывать его имени по соображениям безопасности.

5. Рассказ Марчука приводится в переводе на русский язык.

6. «Арбуз» по-украински.

7. Местные рассказывают, что в поселке Архангельское, где, по выражению Анны Шостак-Кучмяк, «кадыровцы очень лютовали», были случаи жестоких изнасилований местных девушек.

8. «Заезжаем со стороны Нововоронцовской громады, со стороны "Кавуна", едем мимо Петровки, Любимовки, Трудолюбовки, Миролюбовки. Заезжаем в Высокополье. В Высокополье 15 минут на погрузку у местной рады. Потом 20 минут назад. Дальше в Миролюбовке возле школы грузим людей, тоже 15 минут на погрузку. И дальше прямой рейс на Нововоронцовку. И выходим сюда».
9. Збройні сили України (Вооруженные силы Украины).
10. Его «Студия Квартал-95» названа в честь одного из центральных районов города.
11. Власти Кривого Рога перегородили строительной техникой взлетно-посадочные полосы, чтобы не смог высадиться десант, и асфальтированные дороги, чтобы не проехала бронетехника.
12. Беженцев размещают в основном в зданиях школ.
13. Во многих оккупированных городах военные и новые власти вешают флаги не только России, но и СССР.
14. Видео Анне прислал кто-то из знакомых.